

Петухи и слабаки

Сун Цяньцзи увидел, как двое мастеров, оттолкнувшись носками от земли, легко взмыли ввысь и, ступая по отвесной скале, устремились к облакам.

Скала была гладкой, лишённой растительности — даже обезьянам было бы трудно по ней взобраться. Она стояла прямо, возвышаясь над морем облаков, напротив западного окна Летящей облачной башни.

Если бы Мудрец каллиграфии стоял у окна, его зоркий взгляд без труда охватил бы всю поверхность скалы.

Двое мастеров подняли руки, их рукава затрепетали на ветру, и они почти одновременно коснулись кистями камня. Движения их были изящны и свободны, казалось, они не прилагали никаких усилий, но сила их кисти проникала в самую глубь скалы. Каменная крошка посыпалась вниз, поднимая облака пыли, отчего земля содрогнулась.

На высокой скале, словно вырезанные ножом или высеченные топором, проступили огромные иероглифы. Они были написаны с драконьей грацией и фениксовой статью, их штрихи, подобные железным линиям и серебряным крюкам, источали внушительную мощь.

Собравшиеся на лугу были так заворожены этим зрелищем, что на время забыли о собственных свитках. Вглядевшись, они почувствовали, будто два ряда иероглифов вот-вот сорвутся со скалы и обрушатся на них с небес. Восторженные возгласы не заставили себя ждать:

— Какое мастерство! Какая сила! Оставить надпись на скале не так уж и сложно, но сделать это на одном дыхании, с такой чёткостью штрихов, равномерной глубиной и непрерывной мыслью — вот что поражает. Чжао Му воистину достоин звания самого молодого мастера талисманов стадию Золотого ядра в уезде Тяньбэй!

— И надпись Вэй Чжаньяна превосходна! Каждый штрих, каждая черта подобны лезвиям мечей. Я бы и на бумаге так не смог.

Сун Цяньцзи сидел далеко позади и видел перед собой лишь качающиеся головы.

Цзи Чэнь приподнялся на цыпочки:

— Что там написано? Моё совершенствование слишком низко, друг даос, помоги мне разглядеть.

Сун Цяньцзи слегка прищурился:

— Величие природы собрано в прекрасном пейзаже.

— Поистине прекрасно! — вздохнул Цзи Чэнь. — Сколько бы другие ни практиковались днём и ночью, сколько бы ни написали десятков тысяч пейзажей, на этом Изящном Собрании «Достичь известности» их всех затмят.

Сун Цяньцзи молча улыбнулся. Конечно, если пишешь на территории хозяина, нужно сначала доставить ему удовольствие. Духовная энергия в штрихах этих двоих была настолько плотной, что, если никто намеренно не уничтожит надпись, эти два стиха останутся высеченными на скале школы Хуавэй навечно, невзирая на ветер, солнце и дождь. Начав с восхваления талантов и духовной красоты школы Хуавэй, они обеспечили своим творениям вечную жизнь.

— А вторая строка? — с волнением спросил Цзи Чэнь. — Друг даос, посмотри ещё!

— Взглянув на все горы, понимаешь, как они малы, — прочёл Сун Цяньцзи.

— Какой размах! — с завистью произнёс Цзи Чэнь. — Когда же и я обрету такое мастерство...

— А тебе это и не нужно, — покачал головой Сун Цяньцзи.

«Ты — мастер формаций, зачем тебе изучать талисманы?»

Цзи Чэнь, очевидно, понял его неправильно:

— Друг даос, не смотри, что я неплохо выгляжу. На самом деле, богатство — вещь преходящая, лишь собственное мастерство надёжно. Иначе вечно будешь выслушивать насмешки, мол, дай те же ресурсы собаке — и та достигнет большего.

Сун Цяньцзи не смог сдержать улыбки, но за смехом последовала лёгкая грусть.

Нынешний Цзи Чэнь был ещё молод, походил на беззаботного богатого юношу. Хоть и болтлив, но речи его были разумны, что было для Сун Цяньцзи немного непривычно. Когда он встретил его в прошлой жизни, тот уже успел с помощью формации уничтожить весь свой клан и стать вольным совершенствующимся, проводя дни в полубезумном, полупьяном состоянии.

— Друг даос, не смейся. Я тут проанализировал: расположение мест на испытании каллиграфии имеет значение. Двое признанных мастеров, Чжао Му и Вэй Чжаньян, сидят под номерами один и два и могут писать прямо на скале, чтобы Мудрец каллиграфии видел. Остальные рассажены по уровню мастерства в искусстве талисманов. Я, мастер, не способный написать и одного талисмана, и ты, мечник, никогда их не писавший, сидим за одним столом,

чтобы никто ни у кого не списал, — серьёзно проанализировал Цзи Чэнь.

— ...Ничего страшного, — ответил Сун Цяньцзи. — Каждый рисует своё, будем последними по праву.

Скала затихла. Двое мастеров, оставившие свои письма, уже спустились и медленно шли к лугу у ручья. Вдохновлённые их единым порывом, некоторые участники уже закончили работу и, отложив кисти, с восхищением разглядывали надписи на скале. Другие же, ещё не закончившие, продолжали усердно трудиться.

Сун Цяньцзи сел и принялся дорабатывать детали своего цветка картофеля. Цзи Чэнь, понаблюдав за его работой, не смог сдержать восхищённого взгласа. На бумаге не было ветра, но лепестки, покрытые росой, казалось, дрожали на ветру, а каждый мельчайший волосок на стебле был прорисован с невероятной точностью.

С выражением глубокой скорби на лице он сел, взял драгоценную кисть из пурпурных облаков и расцветной дымки и нарисовал на бумаге круг.

— Я правда не хотел участвовать. Кроме насмешек, чего тут ещё ждать? Но старейшины клана настояли, чтобы я попробовал.

Закончив рисунок, Сун Цяньцзи с удовлетворением отложил кисть и, пока чернила сохли, взглянул на лист Цзи Чэня. Сила кисти проникала сквозь бумагу, мазок был плавным и завершённым, но на листе действительно был лишь круг.

— Раз уж ты не умеешь рисовать пейзажи, почему бы не написать иероглифы? — спросил Сун Цяньцзи.

— Структура иероглифов — это ведь тоже своего рода композиция.

Сун Цяньцзи внезапно понял. Восприятие пространства у Цзи Чэня было особенным, он в принципе не мог изобразить ничего плоского. Ему нужно было строить, конструировать. Он был прирождённым мастером формаций, гением, которому сам Дао-предок даровал талант.

— Хоть я и считаю, что ты нарисовал очень хорошо, прямо-таки веет духовной энергией, но всё же этот цветок картофеля... — Цзи Чэнь подобрал более мягкое выражение, — слишком уж необычен. Школа Хуавэй пригласила десять великих мастеров каллиграфии и живописи для оценки работ. Боюсь, они могут этого не принять.

— Большинство событий в жизни — это лишь участие, — утешил его Сун Цяньцзи.

— Ты прав, — кивнул Цзи Чэнь. — Иногда, чем больше стараешься, тем хуже получается.

Участники за передним столом, услышав это, обернулись и с изумлением уставились на них.

Сун Цяньцзи прочёл в их взглядах:

«Мёртвым свиньям кипятком не страшен. Вот и собрались за одним столом два петуха-слабака»

Но они продолжали подбадривать друг друга в своей упаднической манере, и атмосфера была на удивление гармоничной. Сун Цяньцзи даже снова взял кисть и на листе Цзи Чэня мелкими, как мухи, иероглифами приписал два слова: «куриное яйцо».

— Гениально! — хлопнул в ладоши Цзи Чэнь. — Круг превратился в яйцо! Я нарисовал яйцо.

В этот момент вокруг раздались поздравительные возгласы и хвалебные речи. Сун Цяньцзи и Цзи Чэнь, конечно, не подумали, что это их поздравляют с нарисованным яйцом.

Один человек в белом парчовом халате, с веером в руке, прошёл через луг и толпу и остановился перед их столом.

Цзи Чэнь был поражён. Неужели это Чжао Му, тот, что оставил надпись на скале? Он что, лично пришёл наставлять самых последних участников?

— Друг даос Сун, какая встреча! — с самодовольной улыбкой произнёс тот. — Мы снова увиделись после нашей разлуки в павильоне у озера Яогуан.

Павильон у озера Яогуан?

Сун Цяньцзи задумался. Он смутно припоминал, что в тот день погода не подходила для сбора глины. Мэн Хэцзэ получил множество магических артефактов, а он сам — цветок из яшмы Цюн. Что до тех двоих, что пришли последними, он помнил лишь, что Чжао Цзихэн держал в руках стопку свитков. А вот этого человека он совсем не помнил.

— Друг даос, вы случайно не друг Чжао Цзихэна? — с сомнением спросил Сун Цяньцзи.

Лицо Чжао Му помрачнело. — Я его двоюродный брат, — холодно ответил он.

«Он помнит даже такое ничтожество, как Чжао Цзихэн, а меня не помнит? — подумал он. — Впрочем, сегодня фортуна от него отвернулась, вот он и пытается меня унижить»

На самом деле, если бы он подарил ему кресло-качалку или мотыгу, Сун Цяньцзи не только бы его узнал, но и от всего сердца поблагодарил.

Чжао Му бросил взгляд за спину, и Чжао Цзихэн, получив сигнал, тут же выскочил вперёд. Он молниеносно выхватил рисунок Сун Цяньцзи и, высоко подняв его, продемонстрировал всем вокруг:

— Сун Цяньцзи, а я-то думал, раз ты, мечник, вместо боевого испытания явился на испытание каллиграфии, то покажешь что-то стоящее. А ты, оказывается, только дикие цветы рисовать и умеешь.

Цзи Чэнь выхватил у него тонкий лист бумаги и серьёзно поправил:

— Уважаемый, это не дикий цветок, а цветок картофеля. Я и сам его не знал, но благодаря широким познаниям друга даоса Суна...

— Кого я вижу! — притворно удивился Чжао Цзихэн. — Да это же юный Бессмертный государь Цзи, который двенадцать лет усердно изучал искусство талисманов, но так и не смог написать ни одного. Моё почтение! Ваш покойный отец был могущественным воином, жаль только, что так рано ушёл.

Вокруг раздался весёлый смех.

Лицо Цзи Чэня залилось краской.

— Некоторые просто раскрываются позже, — с улыбкой сказал Сун Цяньцзи. — Великие таланты созревают медленно.

Цзи Чэнь с благодарностью посмотрел на него.

Чжао Му снова подал знак, и Чжао Цзихэн схватил рисунок со стола Цзи Чэня и, хлопнув по столу, расхохотался:

— Смотрите все, это яйцо!

Толпа с волнением сгрудилась вокруг, разглядывая гладкое и блестящее яйцо, и чуть не помирала со смеху.

— Яйцо и цветок картофеля, — сдержанно улыбнулся Чжао Му. — Вы двое и вправду достойны сидеть за одним столом.

— Соблюдайте порядок, — кашлянул дьякон с краю поляны. — Участники, закончившие работу, своевременно сдавайте свитки и покидайте площадку.

Однако вмешиваться он не спешил.

Под раскаты хохота Сун Цяньцзи и Цзи Чэнь сдали свои работы.

— Я-то уже привык, — сказал Цзи Чэнь. — Брат Сун, ты как?

После того как тот за него заступился, он стал называть его «брат Сун» вместо «друг даос Сун».

— Повторяй за мной: пусть другие злятся, а я не буду. Если я от злости умру, кто меня заменит? К тому же, это лишь вредит духу и отнимает силы...

Сун Цяньцзи знал, что если дать ему разговориться, его будет не остановить, и прервал его:

— Пойдём посмотрим на испытание игры на цитре?

— Отлично! Слушание музыки успокаивает душу, как раз то, что нам нужно.

— Что написал Сун Цяньцзи? Он нарисовал талисман? Как получилось?

Мудрец каллиграфии в Летающей облачной башне засыпал ректора вопросами.

Ректор не знал, что ответить:

— ...Он не писал иероглифы. Он нарисовал цветок.

— Какой цветок?

— Цветок картофеля.

Мудрец каллиграфии замер:

— Какой именно цветок картофеля?

— Вы забыли, ваше превосходительство, — с беспомощностью ответил ректор, — в мире есть только один вид цветка картофеля, самый обычный.

— Что этот мальчишка себе позволяет?! — рассердился Мудрец каллиграфии. — Немедленно принеси мне этот проклятый цветок картофеля!

— Слушаюсь, — ответил ректор.

«Ругайте Сун Цяньци сколько угодно, при чём тут невинный цветок картофеля?»

— Нет, я сам пойду посмотрю, — внезапно поднялся Мудрец каллиграфии.

<http://bllate.org/book/16982/1590586>